

*Н.В.Дранникова**

Фольклорная экспедиция на Кулой («по следам» А.Д.Григорьева и О.Э.Озаровской)

С 1 по 13 июня на территории Совпольского сельсовета Мезенского района Архангельской области работала фольклорная экспедиция Поморского университета имени М.В.Ломоносова. В экспедиции участвовали сотрудники лаборатории фольклора и студенты факультета филологии и журналистики, а также профессор Вильнюсского университета Ю.А.Новиков. Собранные материалы находятся в архиве лаборатории фольклора ПГУ (П. № 358. 478 листов). Во время экспедиции производилась аудио- и видеосъемка. Отснято 10 видеокассет в формате «Mini DV», записаны и оцифрованы 23 аудиокассеты.

В 1901 году на Кулой и его приток Немнюгу, где находится в современном территориальном делении Совпольский сельсовет, совершил экспедицию известный русский ученый А.Д.Григорьев [1]. В 1916 и 1921 годах в этих же местах собирала фольклор для своего сценического репертуара артистка О.Э.Озаровская [2]. Как пишет Т.А.Новичкова [3], Озаровская считала, что материалы, собранные Григорьевым, погибли в годы Первой мировой войны. В 70-е годы XX века Кулой обследовали ученые Института русской литературы АН Н.И.Хомчук, П.С.Выходцев, А.Н.Мартынова и др. Музыкальный фольклор был объектом исследования М.А.Лобанова [4].

Ареал Кулоя не был краем, где велась систематическая запись фольклора. Он оказался гораздо менее обследованным, чем соседние с ним Мезень и Пинега. В большей степени это объясняется его труднодоступностью. Так, участникам экспедиции 2002 года пришлось добираться на трех видах транспорта, в том числе на лодке по реке Немнюге.

Участники экспедиции (2002) провели сплошное обследование фольклорных традиций деревень Совполе и Карьеполье, для этого были разработаны специальные вопросники, было опрошено 70 исполнителей, среди которых самая старшая Ф.А.Емельянова, 1916 г.р., а самая молодая М.Е.Попова, 1979 г.р. Поиск эпоса проходил по сюжетам, например, исполнителям зада-

* Дранникова Наталья Васильевна — кандидат филологических наук, доцент Поморского государственного университета им. М.В.Ломоносова, руководитель проекта «Кулойская былинная традиция» (02-04-18014е). В подготовке статьи принимал участие профессор Вильнюсского университета Ю.А.Новиков.

вался вопрос, помнят ли они песню/рассказ о бое богатыря с женщиной («Владимир-жених») или о том, как богатырь-пьяница освобождает Киев от татар («Васька-пьяница и Курган-царь») и др. Исполнители сами говорили о полном исчезновении былин: *«Это наши бабки-прабабки знали»* (К.А.Попова, 1922 г.р.). Знание о былинах и богатырях преимущественно восходит к книжной традиции и сведениям, полученным в школе. Иногда они переплетаются с воспоминаниями детства. Приведем один из типичных ответов на вопрос: *«Кто такие богатыри?»*

Добрыня Никитич, Алеша Попович, Илья Муромец.

<Это Вы из школы знаете или от старых людей слышали?>

Да, из школы. Нет, от старых людей. Где-то может и поминали. (П.Ф.Титов, 1928 г.р.).

Результаты полевых исследований позволили сделать вывод о полном исчезновении былинных традиций в крае, бывшем некогда одним из эпических центров. Исполнители не смогли вспомнить ни одного былинного сюжета.

Слово «богатырь» ассоциировалось у них со словами «богач» и «кулак». Удалось записать пословицу, восходящую к былине «О неудавшейся женитьбе Алеши Поповича» — «Весело женился, да не с кем спать». Оказались записаны две песни, восходящие к былине «Чурила и Катерина», — «Расскажу я вам рассказ, познакомился я раз» и др. Обе записаны со слов К.А.Поповой (1922 г.р.), уроженки д. Петровой Пинежского района.

Почти полностью исчезли исторические песни, появившиеся позже былин. Со слов О.С.Белавиной (1920 г.р.) записана единственная историческая песня «Как по морю, морю синему корабель плывет», имеющая позднее происхождение. О некогда распространенной здесь песне «Запоем, мы запоем как в армейшечке живем» вспомнила единственная исполнительница — С.Ф.Титова (1932 г.р.). На вопрос, пели ли здесь эту песню, она ответила: *«Пели, пели, только давно. За столом пели, в застолье»*. Зафиксирована единственная баллада «Муж-солдат в гостях у жены» («Мимо Питера да мимо Москвы»), имевшая позднее происхождение и в прежние годы широко распространенная по всему Кулою.

Были найдены потомки сказителей, от которых записывали былины Григорьев и Озаровская. В 1901 году самое большое количество былин было записано от Е.Д.Садкова, лучшего сказителя в Немнюге (так А.Д.Григорьев называл весь куст деревень в окрестностях слияния рек Совы и Немнюги). От его правнучки Н.Д.Садковой (1928 г.р.) удалось записать лишь несколько быличек и текстов, относящихся к фольклору магических действий. Ее отец — Дмитрий Федорович Садков, а дед — Федор Дмитриевич Садков, тот самый Федор, сын от первого брака Садкова-сказителя, с которым Григорьев не встречался, но который якобы тоже знал старины. В 1921 году О.Э.Озаровская записывала духовные стихи от жителя деревни Немнюги Ефрема Осиповича Чирцова, портрет которого находится в ее архиве [5]. Внук Чирцова Е.Д.Попов (1946 г.р.) и правнучка Маша с трудом воспроизвели несколько быличек, которые были известны им от бабушки Марии Ефремовны — дочери Ефрема Чирцова. В их памяти он остался не исполнителем духовных стихов, а «знающим». В частности, в семье сохранился рассказ о посвящении Чирцова в колдуны.

Больше всего участники экспедиции собрали текстов несказочной прозы и быговой магии. Мифологические сказания иногда рождаются на местном материале; обычно они служат иллюстрациями к каким-либо поверьям или запретам. Недавно в деревне Совполье загорелся дом, пользовавшийся в округе недоброй славой. Чтобы предотвратить распространение огня по деревне, дом обошли с иконой Богоматери. Женщина, выполнявшая этот ритуал и знающая заговор от пожара, позднее вспомнила, что бабушка когда-то учила ее, что обносить икону вокруг горящей избы должна *«раздетая доната жонка»*.

А дом, по мнению местных старожилов, был обречен. Нам удалось записать около десятка рассказов о его строительстве, о судьбе двух семей, живших в доме, что позволяет «по горячим следам» проследить, как протекал процесс мифологизации сюжета, обновления мотивировок, как повествование обростало все новыми подробностями.

Первый текст был записан от В.Г.Подсосенного. Он утверждал, что при строительстве дома использовали какое-то *«несчастливое бревно»*. Его опознал мастер-плотник, ехавший с Пинеги на Мезень строить церковь. Он посоветовал заменить бревно, иначе под этой крышей не будут жить мужчины. Но хозяин не поверил, роковое бревно оставили, и началась цепь злоключений. В полном соответствии с предсказанием пинежанина несчастья приключались именно с мужчинами: многие погибли на войне; один утонул в лесной избушке — уснул и не проснулся; мальчик задохнулся в сугробе. Особенно драматично сложилась судьба участника войны, вернувшегося с фронта без ноги. Ему назначили третью группу инвалидности; члены медицинской комиссии с издевкой предлагали отрезать еще пять сантиметров ноги, чтобы получить вторую группу. Несмотря на увечье, он удачно промышлял в лесу, пополняя тем самым скудный семейный бюджет. Окончательно сломили этого человека жесткие ограничения на охоту и рыбную ловлю. Не зная, как прокормить детей, он наложил на себя руки.

Стержневой мотив в разных вариантах оставался неизменным — «несчастливое» бревно, ставшее причиной гибели всех мужчин, живших в этом доме. Одна из исполнительниц уточнила, что это бревно было вытесано из какого-то дерева, которое нельзя использовать при строительстве. Другая связала произошедшее с вредоносными действиями лешего; *«одно бревно было витое, как бы леший его вил»*. Третья рассказчица выдвинула иную версию — дом оказался несчастливым для хозяев, поскольку с их согласия заезжий знахарь лечил тяжело больную девушку. Ее нужно было *«протянуть через матицу»* строящейся избы; но целитель предупредил, что это может обернуться бедой для хозяина. Любопытно, что самый невыразительный рассказ записан от женщины, выросшей в этом доме. Она лишь подтвердила, что в обеих семьях *«не жили мужчины, умирали»*, и связала это с чьим-то колдовством.

Особенно хорошо сохранились поверья о домовом. Его здесь называют *«домашницѣком»*, *«доможирушко»*, *«домовицѣком»*, *«хозяином»*, *«хозяйнушко»* и часто отождествляют с лаской или *«горностаѣком»*. Почти все люди старшего поколения знают коротенькие заклинания, с которыми надо обращаться к нему, вселяясь в новую избу, вводя в хлев купленную корову или лошадь, входя в лесную охотничью избушку и т.п. Рассказывают о том, что *«домашницек»* воет, предупреждая хозяев о грозящей им беде; *«давит»* по ночам (его надо спросить, к добру это или к худу). Считают,

если увидишь в доме мертвую ласку или станешь свидетелем того, как кот «задавил горносталька», лучше переселиться в другое жилище, иначе случится несчастье. Во всех деревнях, где мы работали, зафиксированы поверья и былички о «баенницѣке», лешем и «лешичихе». А вот о «нежити», обитающей в заброшенных строениях, об овиннике, водяном («цѣртушке»), *полуношнице* помнят немногие. Зато охотно рассказывают о «дѣвках в красных сарафанах», которые пугают людей в лесу или поют возле Херья-ручья («а чего поют, непонятно...»).

До сих пор широко бытуют поверья о «сглазе» («прикосе»), о вредоносной магии. Считается, что сглазить, или «априкосить», может человек с черным цветом глаз. Особенно популярны рассказы о том, как коров «прятали» в лесу, и они не могли уйти от какого-нибудь дерева, вытаптывая вокруг него траву. Одним из самых распространенных оказался мотив «скрадывания дороги». Ее «крали» у животных, которых покупали или продавали, чтобы они не ходили на старый двор (Приложение). Иногда это магическое действие было направлено против молодоженов или влюбленных; *дорогу «воровали»*, чтобы рассорить и разлучить их.

На удивление скудным оказался христианский пласт традиционной народной культуры. Мы не записали ни одной легенды, почти не встречались рассказы о наказании за разрушение церквей и святотатство, об использовании в качестве оберегов предметов, связанных с христианской символикой (нательные кресты, верба, пасхальные яйца и др.). В Чижгоре, например, школа, интернат и клуб были построены на месте старинного кладбища, но даже этот факт не вызвал к жизни каких-либо фольклорных сюжетов. Исключение составляют лишь предельно сжатые фабулаты о наказании за работу в дни важнейших религиозных праздников и о чудодейственной силе святой воды. Впрочем, гораздо чаще рассказывали о целебной силе талой воды, первой капли с крыш или воды, взятой в месте слияния рек.

Отчасти это объясняется многолетней деятельностью «воинствующих атеистов», сровнявших с землей не только церкви и часовни, но и обетные кресты. Некоторые семидесятилетние женщины ни разу не бывали в христианских храмах, никогда не носили нательных крестов. Определенную роль в разрушении традиционной культуры сыграла также близость двух коммун по реке Кулой. Там были и местные жители, позднее возвратившиеся в родные деревни; осела в этих местах и часть коммунаров, выехавших или сосланных на Кулой из разных областей России. Поэтому не приходится удивляться, что вышедшая замуж и переехавшая сюда из-под Каргополя К.И.Козарина не без юмора заметила: «У них тут рано коммунизм был... Быстренько вычеркнули все».

Из произведений песенного фольклора сохранились в основном те, которые исполнялись коллективно (свадебные, игровые, плясовые, протяжные песни, городские романсы, песни литературного происхождения). Характерная особенность местного репертуара — обилие переделок балагурного характера, в которых используются напевы и поэтические образы прототекстов: традиционных и массовых советских песен, городских романсов и даже фольклорных произведений других народов (например, белорусской песни «Косив Яць конюшину...»). Возможно, это связано с особой тягой местных жителей к юмору, шуткам и пародиям.

Нами отмечена достаточно хорошая степень сохранности обрядов жизненного цикла человека. Свадебный обряд проходил в течение двух недель. «Выветривание» свадебного обряда меньше всего коснулось игровых элементов. До сих пор невесту в баню возят (*«тащат»*) на шубе.

«Невесту в баню на шубе тащат — на шубу и чунка такая большая, не как санки, а побольше... Так постелят эту шубу и сядят, и везти будут в баню» (Л.Ф.Титова, 1930 г.р.).

Жених и свекровь подвергались различным испытаниям; свекровь притворялась угоревшей, а невеста должна была ее «исцелить» и т.п. Дружке и другим свадебным чинам пели корильные песни, заставляя их откупаться.

Особенно хорошо сохранился ритуал собирания *баенника*. Его делали следующим образом: в скатерть зашивали ковригу (хлеб), *рыбник* (пирог с рыбой), сахарницу, тарелку или другие предметы. Скатерть, используемая для *баенника*, называлась *запасажной*. Жених на третий день свадебного пира расшивал *баенник*. Конец нитки тщательно прятали, и чтобы найти его, требовалось большое искусство. Нитку, скатерть и горбушку от ковриги хранили в течение всей жизни и использовали в бытовой магии. В скатерть заворачивали ребенка, если у него была эпилепсия (*родимец*). Собрание *баенника* было распространено по всему Поморью [6]. Нами отмечена его близость к зимнезолотицкой традиции (по Зимнему берегу Белого моря).

Гораздо лучше сохранился похоронный обряд. Записаны приметы, предвещающие смерть: стук *охлупня* на крыше (*«охлупень как хлопнет»*), обращение взгляда тяжело болеющего человека на матицу (*матицу*), стук в окно и др. Одежду и постель покойного сжигали. Поминальными днями были девятый, двадцатый, сороковой, полгода и год. Чтобы не бояться покойника, когда обходили гроб, умершему *«грели ноги»* (держались руками за ноги), а родственникам на кладбище за шиворот сыпали землю.

В меньшей степени сохранилась родильно-крестильная обрядность. Выявлены запреты, которые должна была выполнять женщина во время беременности. Беременным нельзя было участвовать в похоронах и ходить на кладбище, сидеть на пороге, заплетать косы, носить сережки. О времени родов нельзя было говорить матери и свекрови, *«а то рожать тяжело будешь»*. Чтобы роды были легкими, считали, что надо вспоминать свою родственницу, которая легко рожала. Рожали на полу. Родившегося ребенка заворачивали в рубашу отца, а послед зарывали в хлев. Ногти и волосы не стригли до года. До этого ногти можно было только обкусывать. Первый раз ребенка стригли в год. Остриженные волосы сохраняли в течение жизни.

«Волосы, говорили, надо обязательно уж сжигать, чтоб на улицу уж волосы не попадали. Секутся, хоть чего, потому что говорили: «Ворона гнездо совьёт — голова болеть будет» (Р.М.Таборская, 1939 г.р.).

Заболевшего ребенка лечили при помощи магических действий: *«продавали через окно»* первому встречному, прорывали в земле туннель и протаскивали через него. Чтобы ребенка не сглазили, за ушами мазали сажей, а голову посыпали солью. Если у ребенка был «сглаз», его мыли с затылка по направлению ко лбу (*«спереди на затылок»*). Если ребенок не спал, его опахивали помелом, которым подметали в печи сажу и читали заговор от полуношницы.

Обрядовый календарь Кулоя сформировался на основе общерусского. Необходимо отметить слабую степень сохранности календарных обрядов.

Сохранились воспоминания о съезжих праздниках, или *канунах*. Рождество, Пасху, Ильин день и др. называли «*сердитыми праздниками*». Наиболее развитым оказался святочный календарный цикл праздников. Здесь до сих пор на святки парни и девушки охотно «*прокажут*» (известен и термин «*кудесить*»): прокладывают по снегу «*дорожки от жениха к невесте*»; подпирают ворота и двери или заливают в притвор воду, чтобы она замерзла; разбрасывают сложенные в поленницы дрова и т.п., гадают в овинах, банях, *росстанях (перекрестках)*.

Сохранились воспоминания об исполнении по Кулою виноградий, но удалось записать только рождественские *рацейки*:

«Христос рождается,
На печи катается.
Я наелся творогу,
Больше славить не могу».
(К.Козарина, 1934 г.р.)

На Крещение делали проруби *Иорданы*. В проруби купались ряженные, воду из нее приносили домой, а затем обрызгивали ею помещение и скот.

Во время масленичной недели (*Масляной недели*) были развиты обряды, посвященные молодоженам, например совместное катание с гор, после которого молодоженов заставляли целоваться. Костры и сжигание чучела, распространенные в средней и центральной полосе, в обследованном нами ареале отсутствуют.

Лучше сохранились воспоминания об обрядах Четверга на Страстной неделе (или как его называют здесь — *Страшной Четверг*). С раннего утра нужно было считать деньги и перебирать вещи, для того чтобы в течение года «*деньги водились и наряды были*». В Пасху начинали качаться на качелях, а в Благовещение скакали на досках.

Домашнюю скотину первый раз на улице выпоняли на Егория (6 мая) или на Николу Вешнего (22 мая). «*Сдавали на руки Николе и Богородице*». Читали специальный заговор: «*Никола-угодник, прими мою скотинушку, храни-береги до осени, до зимы, чтоб скотинушка была цела да сохранена*». Гоняли скот к обетным крестам «*овецаться*» (Козарина К.И., 1934 г.р.).

На Троицу в дом приносили березку, которую ставили в красный угол до Петрова дня. По ивановской росе надо было ходить босиком, чтобы ноги не болели. На Иванов день начинали заготавливать веники. Топили бани и при помощи первого веника, с которым парились, гадали. Его бросали в реку. Если веник тонул, это предвещало смерть.

Некоторые праздники имеют местное название: *Оспожин день* (28 августа) — Успенье Богородицы, *Пречиста* (21 сентября) — Рождество Богородицы, о празднике говорили: «*Пречиста землю чистит*», т.е. весь урожай должен быть собран; *Веденёв день* (4 декабря) — Введение Богородицы в храм.

По Немнюге и Кулою сильно развита прозвищная традиция. Отдельным людям, семьям и жителям целых деревень дают меткие прозвища, сочиняют о них песенки-дразнилки. Преобладают прозвища, относящиеся к пищевому и орнитоморфному кодам. Жителей деревни Кулой называют *гагары*, Совпо-

ля — *опара*, *опарники*, Карьеполья — *шти*. В объяснениях обыгрываются мотивы, связанные с пищевыми пристрастиями.

«А совпола опару раньше растили, рожь-то молотили и варили опару, потому что здесь речка не очень рыболовна» (А.Г.Валькова, 1929 г.р.).

Вариативность прозвищных мотиваций проявляется в том, что наряду с кулинарным кодом в них отмечается ландшафтный: *«потому что река как опара ходит, то мелко, то глубоко», «потому что лед несет — он грязной. Ведь ездят на лошадях. Вот говорят: «Понесло немнюжску опару»* (С.Ф.Титова, 1932 г.р.).

Прозвища выполняют функцию микролокального размежевания. При помощи их выделяются различные местные сообщества. Знание прозвищ местными жителями позволяет выделить микроареал, состоящий из нескольких деревень, — Совполя—Карьеполья—Кулоя, что нашло отражение в бытующей здесь дразнилке, обращенной к жителям этих деревень:

*«Кулойска гагара,
Немнюжска опара,
Карьепольски шти,
Ночевать пусти».*
(Р.П.Габорская, 1939 г.р.)

Отмечаются остатки прозвищных *опеваний* в виде частушек. Ими встречала друг друга молодежь соседних деревень, входивших в состав одного селенческого куста.

*Верхнеконешны [7] уроды,
Городите огороды,
У вас ни карбаса, ни лодки —
У вас девки-криворотки.*
(З.В.Тюкавина, 1939 г.р.)

В частушке-дразнилке используется типичная для прозвищных поджанров пейоративная формула *«уроды, городите огороды»*, широко распространенная в различных районах Архангельской и Вологодской областей.

Таким образом, как показывают результаты нашей экспедиции, картина бытования фольклора типична для всего северо-востока Архангельской области [8]. Эпос полностью исчез в некогда эпически богатых регионах. Вывод о его исчезновении был сделан уже в 70-е годы учеными ИРЛИ, хотя участникам экспедиций удалось записать несколько былин [9]. В самой последней стадии бытования находятся исторические песни и баллады.

Следует отметить, что во время экспедиции в село Зимняя Золотица (2001 г.) мы записали «глухие» воспоминания о былинах и имена былинных богатырей [10]. Вероятно, в какой-то степени это объясняется тем, что в Зимней Золотице жила М.С.Крюкова — одна из последних исполнительниц былин. Сильно разрушена песенная традиция. Большая часть песен недопевадается до конца. Отмечено большое количество песенных литературных переделок. Собранный нами материал, свидетельствует о том, что хорошо сохранилась бытовая магия и фольклор речевых ситуаций. Слабо развита

календарная обрядность. Лучше сохранились и более развиты обряды, в которых отражен жизненный цикл человека. Не выражен христианский пласт фольклора. Мы отметили большую близость кулойского материала к мезенской фольклорной традиции, которая охватывает бассейн Нижней и Средней Мезени, а также Зимний берег Белого моря. Так, почти полностью совпадает песенный репертуар этих регионов. Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что традиционный фольклор находится в одной из последних стадий своего бытования.

Приложение

[Говорят, что тут как-то «дорогу крадут»?]

Я, например, <...> если ты отдаешь животное кому-то другому; вот, отдашь животное и отдаешь другому человеку. Я отдавала, например, сыну, Стасу отдавала. <...> Эту корову, которую они сейчас держат, он повел. Я говорю: «Стас, ты укради дорогу». Так и сказала ему. Чтоб она не ходила домой-то сюда. Он ее увел. А я потом: «Ты украл дорогу?» Он говорит: «Да».

[А он знает, как это делать?]

Да-да, я сказала, как...

[Вы нас научите, может, пригодится...]

Примечания

1. Архангельские былины и исторические песни / Собр. А.Д.Григорьевым в 1889—1901 годах. С напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. — Т. 2: Кулой. — Прага, 1939.

2. Озаровская О.Э. Штиречие. 1931; Архангельск: Сев.-зап. кн. изд-во, 1989. Неопубликованные материалы хранятся в РО ИРЛИ. Колл. 12. П. 1—3. 6.

3. Новичкова Т.А. Кулойские былины в записях О.Э.Озаровской // Из истории русской фольклористики. — СПб., 1998. — С. 345—380.

4. Хомчук Н.И. Экспедиции О.Э.Озаровской // Прометей: Ист.-биограф. альманах. — М.: Мол. гвардия, 1983. Вып. 13. — С. 187 (Жизнь замечательных людей); Выходцев И.С. Современное состояние фольклора на Беломорье // РФ. Т. 22: Полевые исследования. — Л.: Наука, 1984. — С. 5—29; Лобанов М.А. Старинные обряды и традиционный фольклор в деревнях и селах по реке Кулой, Абрамовскому и Зимнему берегам Белого моря. — Там же. — С. 35—49.

5. РО ИРЛИ. Колл. 12.

6. Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. — Л.: Наука, 1983. — С. 125.

7. Дранникова Н.В. Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология: Материалы V Международной школы молодого фольклориста (6—8 июня 2001). — Архангельск, 2002. — С. 86—87.

8. Верхний конец — одна из деревень Совпольского селенческого куста.

9. Дранникова Н.В. Указ. соч. С. 83—92.

10. Выходцев П.С. Современное состояние фольклора на Беломорье... — С. 10.

11. Выводы о типичности состояния фольклорной традиции северо-востока Архангельской области позволяют сделать материалы наших экспедиций 1992—2002 годов.